

В. Н. Мамяченков

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ, ПЕНСИОНЕРОВ И СЕМЕЙ ПОГИБШИХ ВОИНОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Великая Отечественная война в массовом порядке породила еще две категории граждан нашей страны с крайне низким уровнем материального обеспечения — инвалидов войны и членов семей погибших воинов. Что касается инвалидов, то их в Свердловской области уже и в ходе войны насчитывались тысячи.

Известный писатель И. Л. Бунич так говорит о положении инвалидов в нашей стране в те годы: «Не было ничего хуже, чем вернуться из армии инвалидом... Звоня многочисленными орденами и медалями, они собирались в крупных городах вокруг рынков и вокзалов, прося подаяние или пытаясь в меру своих сил как-то подработать. Все это были главным образом молодые парни в возрасте до 30 лет»¹. Примерно то же можно прочитать в воспоминаниях одного из ветеранов войны: «Какое было отношение к инвалидам войны? ...Люди без рук, без ног побирались в электричках. Пенсия была маленькой. Семьи отказывались от калек. Приходилось слышать упреки: “Зачем вернулся? Ты должен был там погибнуть, а ты пришел?”. Сколько ненависти было, откуда только, я не понимаю»².

Уже на 1 января 1946 г. только в одном Ирбитском районе Свердловской области на учете числился 401 инвалид войны, в том числе инвалидов 3-й группы — 293, 2-й — 98 и 1-й — 10 человек. Легко рассчитать средний размер пенсий ирбитских инвалидов: за 1945 г. всем им было выплачено 528 622 руб. 60 коп., что в расчете на душу в месяц составило мизерную сумму — около 110 рублей. Незначительность этой суммы подтверждается хотя бы тем фактом, что почти все инвалиды войны Ирбитского района (386 человек) работали³.

В целом же по области уже в 1947 г. проживало 34,8 тыс. инвалидов войны⁴, материальное положение большинства из них было более чем скромным. Некоторые из инвалидов пытались улучшить свое благосостояние даже криминальным путем. Так, кавалер пяти правительствен-

ных наград М. из Нижней Салды украл на хлебозаводе 6,7 кг муки (приговорен к одному году исправительных работ). А двое других инвалидов войны занялись спекуляцией, т. е. скупкой и перепродажей товаров, что по законам послевоенного времени рассматривалось как уголовное преступление. В результате они были осуждены каждый на 5 лет лишения свободы условно. При обыске у одного из них, как педантично отмечено в протоколе, было изъято 82 пары чулок, 57 гребенок, 63 зубных коронки и более 2 тыс. рублей⁵.

Нетрудно понять отчаянное положение инвалидов, особенно если учесть, что на серьезную помощь государства им рассчитывать не приходилось: абсолютное большинство населения страны испытывало нужду в самом необходимом. Достаточно сказать, что в Свердловской области с войны не вернулось около 300 тысяч мобилизованных, многие из которых являлись кормильцами семей. Конечно, власти по мере возможности пытались облегчить положение семей погибших и инвалидов. При этом подобные мероприятия неизменно преподносились как «неустанная забота» партии и государства о своих подданных.

Например, по тому же Ирбитскому району за 1945 г. дополнительно к пенсиям инвалидам из различных источников было выплачено 25 600 руб., предоставлено льгот по денежным налогам на сумму 189 578 руб., выдано значительное количество продуктов питания (хлеба — 24 500 кг, картофеля — 19 700 кг, овощей — 5 600 кг, мяса — 1 036 кг и т. д.) и промтоваров, предоставлены денежные ссуды на жилищное строительство в сумме 49 тыс. руб., оказана помощь в заготовке топлива на зиму. Была оказана помощь и в решении жилищного вопроса: 37 инвалидам войны были предоставлены квартиры, а 19 — отремонтированы⁶.

А в апреле 1946 г. секретарь Ирбитского горкома ВКП(б) Дмитриев сообщал в обком партии о помощи, оказанной семьям двух погибших воинов — Серебренникова и Братцева. Первой семье была отремонтирована квартира, а семья получила кровати, постельные принадлежности, одежду, топливо и даже корову. Второй семье были выданы некоторые предметы одежды. При этом в обоих случаях помощь была оказана силами организаций, где работали вдовы погибших, — Мотозаводом и Межрайбазой. А в ноябре того же года помощь получили и другие семьи: например, семья погибшего фронтовика Газизова (жена и четверо детей) получила корову, а семья Лаптевых — ссуду 2 500 рублей для приобретения коровы. Данная помощь была оказана в рамках месячника по оказанию помощи семьям погибших воинов и инвалидов войны⁷.

В том же году (1946) с 25 октября по 10 декабря в области снова проводился подобный месячник, в ходе которого инвалидам войны и семьям погибших воинов было выдано 43 886 носильных вещей (пальто, костю-

мы, платья), 40 422 пары обуви, 14 018 единиц трикотажного белья, 91 320 м тканей, 624 т продуктов питания, 725 тыс. рублей⁸. В абсолютных цифрах это вроде бы много, но нуждающихся было гораздо больше.

Примерно на одном уровне с инвалидами находились и пенсионеры, денежные доходы которых были столь же малы. Например, минимальный размер пенсий «по старости», за выслугу лет и для инвалидов 1-й группы, установленный еще до войны, составлял всего лишь 50 рублей. Еще меньше этот минимум был у инвалидов 2-й и 3-й групп — 40 и 25 рублей соответственно⁹. Поэтому можно утверждать, что реального пенсионного обеспечения в нашей стране до 1960-х гг. по сути не было.

Тем не менее советская пропаганда настойчиво утверждала обратное. Так, «Большая советская энциклопедия» еще в 1939 г. писала, что «только в СССР граждане пользуются материальным обеспечением в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности». И здесь же, в подтверждение сказанному, была приведена общая сумма пенсионных расходов в бюджете 1938 г. — 3 465,0 млн рублей¹⁰. Но нетрудно подсчитать, что при численности населения более 160 млн человек и при минимальном удельном весе пенсионеров (например, 20 %) средняя пенсия могла составить очень скромную даже по тем временам сумму — что-то около 100 рублей на человека в год. Для сравнения скажем, что в довоенном 1940 г. среднедушевой денежный доход в семьях, например, служащих промышленности Свердловской области составлял 340 рублей. При этом один метр шерстяной ткани стоил 87 руб., пара сапог или ботинок — 50 руб., метр шелка — 36, кубометр дров — 18, а пара тапочек — 11 рублей¹¹.

Забегая немного вперед, надо сказать, что в 1950-е гг. ситуация несколько улучшилась, но по-прежнему оставалась неудовлетворительной: более-менее соответствующий цивилизованным канонам Закон о пенсиях был принят в СССР только в 1956 г. При этом советские граждане не могли открыто выражать свое недовольство низкими пенсиями, а поэтому делали это своеобразно: например, излагая свои претензии на избирательных бюллетенях во время выборов. Так, во время выборов депутатов в Верховный Совет СССР 14 марта 1954 г. на одном из избирательных участков в Свердловске был обнаружен бюллетень со следующим пожеланием: «Не разрешено до сих пор Положение о пенсиях. Размер пенсии установлен 90—155 рублей — эта сумма явно недостаточная при существующих ценах. *Этих денег может хватить только на одного человека и то только на хлеб* (выделено нами. — В. М.), больше он ничем не сможет обеспечить свое существование». А на другом бюллетене написано: «Товарищи депутаты, не забудьте нас, пенсионеров, трудно жить на 150 рублей», ему вторил инвалид: «Мой наказ вам позаботиться об инвалидах

труда. 201 рубль в месяц на содержание очень мало. Инвалид второй группы»¹².

Конечно, не все инвалиды, пенсионеры и их семьи получали такие мизерные пенсии. Например, из общего числа пенсионеров выделялись «лица, имеющие исключительные заслуги в области революционной, военной, профессиональной и общественной деятельности и советского строительства, науки, искусства и техники», а также их близкие родственники. В газетах первых послевоенных лет можно прочитать, какие большие (по меркам того времени) пособия и пенсии получили родственники известных в стране граждан.

Например, вдова известного композитора и дирижера А. В. Александрова после кончины мужа в 1946 г. получила единовременное пособие в размере 50 тыс. руб. и пожизненную персональную пенсию 750 руб. в месяц. В том же году власти благодетельствовали семью академика Н. Н. Бурденко: вдова помимо пенсии получила пособие в 70 тыс. руб., две сестры академика — пособия по 15 тыс. руб. и пожизненные пенсии по 700 руб. в месяц, а внука — пенсию 500 руб. до получения ею высшего образования. В те же послевоенные годы примерно аналогичные льготы получили семьи героя войны генерала Д. М. Карбышева, академиков В. Л. Комарова и А. Н. Крылова и других высокопоставленных и заслуженных деятелей¹³.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- после Великой Отечественной войны ко всем обездоленным категориям населения страны добавились еще две — инвалиды войны и члены семей погибших на фронте;
- в самом худшем положении оказались одинокие граждане (инвалиды и пенсионеры) и семьи, потерявшие кормильцев;
- размеры государственных пенсий и пособий были мизерными;
- помощь, оказываемая беднейшим слоям населения органами государственной власти, в целом была недостаточной.

¹ Бунин И. Л. Полигон Сатаны. СПб., 1994. С. 158.

² Драбкин А. Я дрался с панцерваффе. М, 2007. С. 155.

³ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 232. Л. 1.

⁴ См.: Там же. Оп. 43. Д. 198. Л. 2.

⁵ См.: Там же. Д. 171. Л. 37, 42—43.

⁶ См.: Там же. Оп. 41. Д. 232. Л. 1—2.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 176. Л. 45. Д. 232. Л. 61.

⁸ Там же. Д. 174. Л. 105.

⁹ БСЭ. 1-е изд.: в 65 т. М., 1926—1947. Т. 44. С. 502.

¹⁰ Там же. С. 499.

¹¹ ГАСО. Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 175. Л. 169—170.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 53—54.

¹³ См., например: Правда. 1946. 13 нояб.; Труд. 1946. 17 авг.; Собрание Постановлений и распоряжений Правительства СССР. № 1 от 12 февраля 1946 г. С. 6—7.